

Зеев Бар-Селла
Кровавый подбой
(Читая Тынянова...)

Петру Криксунову

Холодок щекочет темя...

О. Мандельштам (1922)

Холодок бежит за ворот...

В. Лебедев-Кумач (1937)

Одно из самых увлекательных филологических занятий — поиск источников и реминисценций. Но нельзя исключить, что писатель, читая роман другого писателя, способен различать аспекты, ускользнувшие от внимания филологов, критиков и прочих читателей. Ведь, кроме литературных достоинств, каждый роман (настоящий роман!) обладает, еще одной неперменной чертой — загадкой.

Самое неожиданное в романе «Мастер и Маргарита» — это его судьба. Черновик, работа над которым прервалась в 1940 году, напечатан четверть века спустя и становится вначале абсолютным бестселлером, плодит множество эпигонов, затем причисляется к русской классике, с тем, чтобы, в конце концов, войти в детскую золотую библиотеку. И всё это — считая с первой публикации романа — меньше, чем за полвека.

Даже крушение советской власти и массовое вливание в читательский обиход запрещенной и новейшей литературы не отменило необыкновенной популярности «Мастера и Маргариты». Теперь роман знают все, а цитаты из него на слуху, как реплики героев любимых кинофильмов...

© Zeev Bar-Sella, 2012

© TSQ 41, Summer 2012 (<http://www.utoronto.ca/tsq/>)

Одна из самых узнаваемых фраз: «В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой...». В таком виде она вошла в «Словарь современных цитат»¹.

Тем не менее, позволим себе привести этот фрагмент в более полном виде:

«В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат.

Больше всего на свете прокуратор ненавидел запах розового масла, и все теперь предвещало нехороший день, так как запах этот начал преследовать прокуратора с рассвета. Прокуратору казалось, что розовый запах источают кипарисы и пальмы в саду, что к запаху кожи и конвоя примешивается проклятая розовая струя. От флигелей в тылу дворца, где расположилась пришедшая с прокуратором в Ершалаим первая когорта Двенадцатого Молниеносного легиона, заносило дымком в колоннаду через верхнюю площадку сада, и к горьковатому дыму, свидетельствовавшему, что кашевары в центуриях начали готовить обед, примешивался все тот же жирный розовый дух».

Розовое масло применяется исключительно в парфюмерии — это основа духов.

А теперь сравним этот всем знакомый текст с другим:

«На очень холодной площади в декабре месяце тысяча восемьсот двадцать пятого года перестали существовать люди двадцатых годов с их прыгающей походкой. Время вдруг переломилось; раздался хруст костей у Михайловского манежа — восставшие бежали по телам товарищей — это пытали время, был „большой застенок“ (так говорили в эпоху Петра). <...>

¹ Душенко К. В. Словарь современных цитат: 4 300 ходячих цитат и выражений XX века, их источники, авторы, датировка. М.: Аграф, 1997. С. 56 (№ 299).

Дети были моложе отцов всего на два, на три года. Руками рабов и завоеванных пленных, суетясь, дорожась (но не прыгая), они завинтили пустой Бенкендорфов механизм и пустили винт фабрикой и заводом. В тридцатых годах запахло Америкой, ост-индским дымом. <...>

Запах самых тонких *духов* закрепляется на разложении, на отбросе (*амбра* — отброс морского животного), и самый тонкий запах ближе всего к *вони*.

Вот — уже в наши дни поэты забыли даже о *духах* и продают самые отбросы за *благоухание*».

Сопоставляемые фрагменты сближаются по четырем параметрам: указание месяца события, характеристика походки и два вида запахов — дыма и того, что является основой для изготовления духов.

Все совпадения с «Мастером и Маргаритой» сосредоточены в одном месте — прологе к роману Ю. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара»². Но за прологом следует глава 1-я:

«Вошел крадучись, извиваясь всем телом, шаркая туфлями Александр. Походка его напоминала походку дервиша в „Страстях Алиевых“.

<...>

Склонив покорные длинные ресницы, он [Грибоедов] прошел сразу же через множество запахов; *пахли патки с одеколону, серные частицы, можжевеловые порошки*».

Здесь снова сцепление тех же характеристик, только походка уже стала *шаркающей*³, а запахи еще более разнообраз-

² Тынянов Ю. Смерть Вазир-Мухтара // Звезда. — Л. 1927. №№ 1—4, 6, 11, 12; 1928. №№ 1—2, 4—6; отд. изд.: Л.: Прибой, 1929.

³ Походка — постоянный (чтобы не сказать, назойливый) атрибут первой трети тыняновского романа: (гл. 3) «и тогда в доме начиналась *Машина походка*», «Там они сидели, на горах, люди *со слишком прямой походкой*»; (гл. 4) «не привыкшие же к наготе люди идут *измененной походкой*», «*Походка* его легкая, танцующая, неожиданно изящная. По этой *походке* сразу познается персиянин, существо слабое и изнеженное, изящное и скрытное».

разны — одеколон, сера, можжевеловый. Но ведь множество запахов различает и прокуратор — кипарисов, пальм, кожи, конвоя, дыма... Только ему кажется, что ко всем этим посторонним запахам «примешивается проклятая розовая струя».

А вот еще одна знаменитая, хоть и не вошедшая в нынешний цитатник фраза — из главы 13-й, «Явление героя»:

«— Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоим!

Так поражает молния, так поражает финский нож!»

Откроем тыняновский пролог:

«Бунт и женщины были сладострастием стихов и даже слов обыденного характера.

Отсюда же шла и смерть, от бунта и женщин.

Людей, умиравших раньше своего века, **смерть** застигала внезапно, как **любовь**, как дождь».

Можно, конечно, признать сходство случайным — любовь и смерть сопрягаются более, чем часто, и у авторов, друг друга не читавших⁴.

Но фразу о внезапной любви Булгаков предваряет следующим повествованием:

«Необыкновенно **пахнет сирень!** И голова моя становилась легкой от утомления, и **Пилат летел** к концу...

— **Белая мантия, красный подбой!** Понимаю! — восклицал Иван».

Цветочный запах и легкая голова Мастера заставляют вспомнить «жирный розовый дух» — предвестник Пилатовых мучений:

«Какое древнее достоинство в осанке и походке содержателя бань»...

⁴ Или читавших «Песнь Песней» (8:6): «Ибо крепка, как смерть, любовь».

«<...> примешивался все тот же жирный **розовый дух**.

„Да, нет сомнений! Это она, опять она, непобедимая, ужасная болезнь гемикрания, при которой болит **полголовы**. <...> Попробую не двигать **головой**”».

И лишь подчеркнув прямую связь своего рассказа с началом романа о Пилате, Мастер переходит к разговору с Маргаритой:

«— Вы вообще не любите цветов? <...>

— Нет, я люблю цветы, но только не такие, — сказал я.

<...> — Я **розы люблю**.

— Дальше, — сказал Иван, — и не пропускайте, пожалуйста, ничего.

— Дальше, — переспросил гость, — что же, дальше вы могли бы и сами угадать. — Он вдруг вытер неожиданную слезу правым рукавом и продолжал: — *Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоих!*

Так *поражает* молния, так *поражает* финский нож!»

Еще один булгаковский фрагмент:

«Выведа арестованного из-под колонн в сад, Крысобой вынул из рук легионера, стоявшего у подножья бронзовой статуи, бич и, несильно размахнувшись, ударил арестованного по плечам. Движение центуриона было небрежно и легко, но связанный мгновенно рухнул наземь, как будто ему подрубили ноги, захлебнулся воздухом, краска сбежала с его лица и глаза обесмыслились. Марк одною левою рукой, легко, как пустой мешок, вздернул на воздух упавшего, поставил его на ноги и заговорил гнусаво, плохо выговаривая арамейские слова:

— Римского прокуратора называть — игемон. Других слов не говорить. Смирно стоять. Ты понял или ударить тебя?

Арестованный пошатнулся, но совладал с собою, краска вернулась, он перевел дыхание и ответил хрипло:

— Я понял тебя. Не бей меня».

Сравним с отрывком из тыняновского пролога:

«Время вдруг переломилось; раздался хруст костей у Михайловского манежа — восставшие бежали по телам товарищей — это пытали время, был „большой застенок“ (так говорили в эпоху Петра).

Лица удивительной немоты появились сразу же, тут же на площади, лица, тянущиеся лосинами щек, готовые лопнуть жилами. Жилы были жандармскими кантами северной небесной голубизны, и остзейская немота Бенкендорфа стала небом Петербурга.

Тогда начали мерить числом и мерой, судить порхающих отцов; отцы были осуждены на казнь и бесславную жизнь. <...>

И были пустоты.

За пустотами мало кто разглядел, что кровь отлила от порхающих, как шпага ломких, отцов, что кровь века переместилась».

В отличие от фрагментов, рассмотренных выше, реминисцентные связи здесь не столь очевидны.

«мгновенно рухнул наземь, как будто ему *подрубили ноги*»

~ «как *шпага ломких, отцов*»

«*краска сбежала с его лица*»

~ «*кровь отлила от порхающих, как шпага ломких, отцов*»

«*захлебнулся воздухом, краска сбежала с его лица и глаза обесмыслились*»

~ «*Лица удивительной немоты появились сразу же*»

«*заговорил гнусаво, плохо выговаривая арамейские слова*»;

«*Других слов не говорить*»

~ «*остзейская немота Бенкендорфа*»

Иными словами — «большой застенок».

Что могло остановить (если остановило) внимание Булгакова на этом отрывке?

«Тогда начали мерить числом и мерой, судить порхающих отцов; отцы были осуждены на казнь и бесславную жизнь»

Это несомненный парафраз Евангелий (Мф 7:1—2; Мк 4:24; Лк 4:37—38): «Не *судите*, да не *судимы* будете, ибо какой *мерой мерите*, такой и вас *мерить* будут».

Правда, в тыняновском прологе судят отцов, а не сыновей, но отсылка к Евангелиям как раз и определяет меру неподобия — парадоксальную инверсию классической ситуации (суд над Сыном Божиим и казнь Его).

Нетрудно расслышать здесь и пророка Даниила на пиру Валтасара (Дан. 5:25—28): «Мене. Текел. Фарес» (более исправное написание: *Мене, текел упарсин*) — в синодальном переводе: «Исчислен, взвешен и разделен».

Второе слово Даниила толкует так: «„Текел“ — ты взвешен на весах и найден очень легким». «Порхающие отцы» оказались легковесны и были обречены — о Михаиле Луние в том же прологе сказано: «Он не был легкомыслен <...> — он был *легок*».

Ср.: «Марк [Крысобою] *одною левою* рукой, *легко*, как *пустой мешок*, *вздернул* на воздух упавшего».

И, конечно, — кровь:

«лица, <...> готовые лопнуть жилами»

«кровь отлила от порхающих, как шпага ломких, отцов»

«кровь века переместилась».

Кровь нового века, та, которой подбит пилатов плащ, — это проступившая кровь Иисуса, в пролитии которой Пилат (евангельский и булгаковский) обвинит евреев.

Такая интерпретация «кровавого подбоя» позволяет пристальнее взглянуть и на терзающую Пилата болезнь. Г. А. Лескис уже отметил, что *гемикрания*, «при которой болит полголовы», — слово греческое (*hemikrania*), перевел его на русский («половина черепа») и добавил, что болезнь эта — «то же, что мигрень (от франц. *migraine*); сам Булгаков страдал мигренью во время работы над „Мастером и Маргаритой“»⁵.

Теперь мы знаем, что мигренью страдал и Понтий Пилат — но исключительно в ранних редакциях романа.

Можно предположить, что в процессе писания Булгаков решил устранить анахронизм, заменив французскую болезнь (мигрень) на древне-греческую.

Но причина переименования была, видимо, более серьезной.

Слово *ἡμικρανία* — сложное и составлено из *ἡμι-* «пол-» и *κράνιον* «черепа». А вот словосочетание *κράνιον τόπος* «лобное место» служило и обозначением Голгофы — *Γολγοθα*, по-арамейски *Gulgaltha'* (*גֻלְגַּלְתָּא*) «черепа». Именно так — *Череп* — Булгаков и назвал Голгофу в черновиках 1928—29 гг.

А тогда в предвестнике гемикрании — запахе розового масла — можно видеть инспирированную Блоком замену тернового венца: «венчик из роз»...

Таким образом, само появление Пилата уже содержит в себе три предзнаменования грядущей и неотвратимой казни Иисуса.

Неопознанным остался запах дыма... Раскроем те же черновики:

«„Корван, корван“, — застучало в голове у Пилата <...>»;

«— <...> Корван, корван, Каиафа, помнишь, как я хотел напоить водою Ершалаим из Соломоновых прудов?»

⁵ Лескис Г. А. Триптих М. А. Булгакова о русской революции: «Белая гвардия»; «Записки покойника»; «Мастер и Маргарита». Комментарии. М.: ОГИ, 1999. С. 272.

«Корван» — это еврейское слово *qorban* (קָרְבָּן) «жертва», но в греческой записи — κορβάν — и прочитанное по византийским правилам: пишется β — произносится «в». Жертвоприношения совершались в ритуале всежжения (и сказал Господь: «Города ваши сделаю пустынею, и опустошу святилища ваши, и не буду обонять приятного *благоухания жертв* ваших» — Левит, 26:31).

Готов ли был Булгаков приравнять восстание и расправу над декабристами к искупительной жертве Христа?

Вернемся к началу:

«ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана»

~ «в декабре месяце тысяча восемьсот двадцать пятого года»

«Декабрь месяц» — пример канцелярской бестолковщины (как будто слова «декабрь», «май», «сентябрь» могут означать что-то иное?). И знание того, что нелепость эта лишь обломок более осмысленного оборота: «(такого-то) *дня декабря месяца*», не слишком утешает.

Иное дело — «нисан», для православного человека вещь, требующая пояснений. В 14-й день месяца нисан наступает еврейский праздник Песах — наступает с заходом солнца. Но Иешуа доставлен к Пилату ранним утром. Следовательно, участвовать в пасхальной трапезе — «седере» — Иешуа уже не мог. А значит, не было и Тайной вечери, которая, согласно трем синоптическим евангелистам, являлась пасхальной трапезой!

И, действительно, Тайной вечери у Булгакова нет⁶ — с Иудой Иешуа встречается вечером 12 нисана и наедине... Прочие 11 апостолов сведены к единственному числу: Левий Матвей (Матфей) — единственный ученик.

⁶ Нет и праздника Песах: в иерусалимской хлебной лавке торгуют «караваями» — квасным (קָרָאָה)!

Совсем, как у Мастера. И требования к своим ученикам оба персонажа предъявляют одинаковые:

Левий Матвей «непрерывно пишет», и Иешуа «его умолял: сожги ты Бога ради свой пергамент!», но Левий Матвей вырвал пергамент из рук Иешуа и убежал; Мастер более убедителен:

«— Не пишите больше! — попросил пришедший *умоляюще*.

— Обещаю и клянусь! — торжественно произнес Иван».

Отменив Тайную вечерю, Булгаков укоротил жизнь Иисуса на сутки. Ради чего? Неужели для того лишь, чтобы совпало число дней в датах двух событий?!

14 числа весеннего месяца нисана

~ **14** дня декабря месяца 1825 года

В любом случае, числу этому Булгаков придавал особое значение: в черновой редакции 1929—31 гг. гибель Берлиоза под колесами трамвая пришлось на «страшную субботу» («„О, какой *страшный* месяц нисан в этом году!“») **14** июня 1943 <*sic!*> года⁷.

А если так, то едва ли остались без внимания разглагольствования генерала Сипягина в 4-й главе тыняновского романа:

«Цифра *четырнадцать* имеет для меня, графиня, особое значение.

Четырнадцатого октября я родился, *четырнадцати* лет поступил на военную службу, <...> *четырнадцатого* ноября двенадцатого года был назначен начальником штаба авангардных войск. В *четырнадцатом* году вступил в Париж <...> И *четырнадцатого декабря* [1825 г.] я потерял своего баярда [Милорадовича]».

⁷ На самом деле в 1943 году 14 июня пришлось на понедельник, а по старому стилю – на воскресенье.

Но роман Тынянова — постдекабристский, и его главный герой на площадь не выходил. Оставил ли он свой след в «Мастере и Маргарите»?

Несомненно!

«Дом назывался „Домом Грибоедова“ на том основании, что будто бы некогда им владела тетка писателя — Александра Сергеевича Грибоедова. Ну владела или не владела — мы точно не знаем. Помнится даже, что, кажется, никакой тетки-домовладелицы у Грибоедова не было... Однако дом так называли. Более того, один московский врун рассказывал, что якобы вот во втором этаже, в круглом зале с колоннами, знаменитый писатель читал отрывки из „Горя от ума“ этой самой тетке, раскинувшейся на софе. А впрочем, черт его знает, может быть, и читал, не важно это!»

Отметим первую странность этого необычного экскурса: если всё сказанное столь «не важно», к чему так подробно об этом толковать? Да и черт здесь вряд ли помянут всуе (одному из обитателей романа — Прохору Петровичу, председателю Зрелищной комиссии — привычка чертыхаться дорого обошлась)...

Другая странность: булгаковский «Дом Грибоедова» давно и прочно идентифицирован — это Дом Герцена, обитель РАППа и МАППа. Тот дом, где Герцен родился и которым владел его дядя.

Грибоедов, напротив, родился и проживал в доме родителей. Но, описывая пребывание Грибоедова в Москве, Тынянов в первой же главе отмечает, что, пробудившись в отчем доме, герой тоже ошибается:

«По ошибке влетела догадка: не войдет ли сейчас дядя, опираясь на палку, будить его, ворошить на постели, звать с собой по гостям.

Чего он хлопотал с этой своей палкой?»

В экскурсии Булгакова дядю заменяет тетка, которой, как автору помнится, вообще не было... Таким образом, Булгаков выдвигает Грибоедова на передний план, чтобы тут же ему в почетном этом месте отказать!

С какой целью произведены все эти операции? Для того, вероятно, чтобы указать на присутствие Грибоедова в романе и одновременно мистифицировать (загадочный «московский врун») обстоятельства его появления. И важность этих обстоятельств не стоит преуменьшать. Ведь «Дом Грибоедова» — место не нейтральное, а, в некотором смысле, — центральное.

Ресторан Грибоедова (самый лучший в Москве) заставляет автора воскликнуть: «О боги, боги мои, яду мне, яду!..»

Но это воспоминание о Пилате:

«И мысль об яде вдруг соблазнительно мелькнула в больной голове прокуратора».

И появление директора ресторана обозначено вовсе не шуточно:

«И было в полночь видение в аду».

Полночь, ад... Но тогда и писательские танцы в Грибоедове — это генеральная репетиция Великого бала у Сатаны!

Затем появляется пророк со свечкой, и ресторанное буйство оборачивается пиром Валтасара...

А в другом романе — путешествие из Петербурга в Тегеран, воронежская степь, «[м]олодайка покачивалась на высоких бедрах под плавный ход ведер»... Молодайку зовут Маша — Мария... И приходит воспоминание:

«Праотец Иегуда ехал жарким днем на осле и заметил по пути женщину с открытым коленом. Он захотел освежиться, и вошел к ней, и познал ее, а то, что женщина оказалась Тамарью, его невесткой, было случайностью или даже словесным остроумием библического рассказа. Таков, вероятно, был

обычай всех путешественников, и даже апостолам полагалось брать с собой от селения до селения девицу, причем о назначении девиц евангелист попросту ничего не говорит».

Два Завета — Ветхий и Новый. Вот только невестку зовут Тамарь, а не Фамарь, праотца — Иегуда... Словесное остроумие — чтобы не произнести имени Иуда!

Но еще появится в романе рассуждение об изменниках. И имя одного из них — Самсон-шах. И промелькнет погубитель Пестеля — предатель и доносчик с «шутовским именем» Майборода. И уже состоялась встреча с третьим — изменником, другом и предателем Фаддеем Булгариным... И его женой, легко — как Тамарь — дарящей любовью...

Потом наступила тегеранская ночь.

«И вот перед ним встала совесть, и он начал разговаривать с ней, как с человеком.

<...>

— Ты что-то позабыл с самого детства. <...> Ты ошибся. Может быть, ты не автор и не политик?

— Что же я такое? — усмехнулся Грибоедов.

— Может быть, ты убежишь, скроешься? Ничего, что скажут: неуспех. Ты можешь выдать евнуха, можешь начать новую жизнь, получишь назначение.

— Да мимо идет меня чаша эта».

А в конце — в самом конце — подвода с гробом Вазир-Мухтара. И Пушкин:

«„Влияние роскоши и христианства могло бы их укротить, — подумал он, — самовар и Евангелие были бы важными средствами”.

И вдруг вспомнил Грибоедова.

Тонкой рукой прикоснулся к нему Грибоедов и сказал:

— Я все знаю. Вы не знаете этих людей. Шах умрет, в дело пойдут ножи.

И посмотрел на него.

Он был добродушен. Он был озлоблен и добродушен.
Он знал, хоть и ошибся. Но если он знал... — зачем...
Зачем поехал он?
Но власть... но судьба... но обновление...
Холод прошел по его лицу.
„Мы нелюбопытны... Человек необыкновенный...
Может быть, Декарт, ничего не написавший? Или Наполеон без роты солдат?“»

Пушкин перебирает необыкновенных людей — Декарт, Наполеон... — и не находит прецедента. Но лицо его уже обжег холод — холод прозрения.

Холод необоримого священного ужаса перед явлением того, кого видел человеком и только сейчас разгадал... Того, кто знал свою судьбу и добровольно предал Себя в руки палачей.

Действительно ли ключ к разгадке загадочной и страшной судьбы своего героя Тынянов видел в «*imitatio Christi*»? Если нет — ряд моментов повествования выглядит совершенно немотивированным...

И совсем другой вопрос: как прочел тыняновский роман Булгаков? Похоже, что так:

«„Бессмертие... пришло бессмертие...“ Чье бессмертие пришло? Этого не понял прокуратор, но мысль об этом загадочном бессмертии заставила его *похолодеть на солнцепеке*».